

В. А. РАНОВ, А. В. ГУРСКИЙ

**КРАТКИЙ ОБЗОР НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ
ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ
ТАДЖИКСКОЙ ССР**

Как известно, наскальные изображения дают чрезвычайно интересный и важный материал не только чисто искусствоведческого плана, они также помогают решать сложные вопросы этнографического изучения современного населения и в значительной степени вопросы этногенеза — очень часто они являются своеобразными вехами, отмечающими передвижение отдельных племен или связи между ними.

Некоторые наскальные рисунки, точно так же, как и орнаменты, встречающиеся на археологических или этнографических предметах, реже чем другие элементы материальной или духовной культуры древних народов могут возникать конвергентно, что позволяет в ряде случаев рассматривать их как результат конкретных связей между населением отдельных территорий¹. Примером таких петроглифов могут служить контурные рисунки козлов, выполненные в виде двух сходящихся вершинами треугольников, известные в Бадахшане² и Западном Тибете³, или «тамгообразные» изображения этих же животных, выделенные в Туве А. Д. Грачем под названием петроглифов чуруктуг-кырланского типа⁴. Эти характерные рисунки необходимо выделять из общей массы очень сходных изображений, возникающих в разных местах независимо друг от друга как результат одинаковой системы хозяйства и близкой идеологии. Так, схематически выполненные в виде прямых линий фигурки козлов широко распространены в различные исторические эпохи от Передней Азии и Кавказа до Монголии и Китая. Относительно часто встречаются также и хорошо известные изящные рисунки этих животных скифо-сарматского времени.

Настоящее сообщение является краткой сводкой современных представлений о данном предмете и картографической фиксацией известных на сегодняшний день пунктов наскальных изображений в Горно-Бадахшанской автономной области ТаджССР (ГБАО). Попутно затрагивается вопрос о месте петроглифов Памира среди памятников этого рода в Средней Азии и прилегающих странах зарубежного Востока. Такая сводка, на наш взгляд, должна помочь в дальнейшем изучении наскальных изображений Таджикистана и всей Средней Азии в целом. Карта распространения наскальных изображений на рассматриваемой терри-

¹ М. Е. Ф о с с, Древнейшая история севера европейской части СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), № 29, М., 1952, стр. 76—77; А. П. О к л а д н и к о в, Олень золотые рога, Л.— М., 1964, стр. 84—86.

² В. А. Р а н о в, Наскальные изображения у кишлака Наматгут, «Изв. Отделения общественных наук АН ТаджССР» (далее ИООН), вып. 14, 1957, рис. 1.

³ А. Н. F r a n c k e, A History of Western Tibet, London, 1907, стр. 33.

⁴ А. Д. Г р а ч, Петроглифы Тувы, I, «Сборник Музея антропологии и этнографии» (далее МАЭ), т. XVII, М.— Л., 1957, стр. 408—441.

тории составлена авторами (Бадахшан — по данным А. В. Гурского, Восточный Памир — В. А. Ранова)⁵. Описания пунктов даны ниже в самой общей форме. Совершенно очевидно, что приведенные сведения не являются исчерпывающими и дальнейшие исследования могут увеличить (и значительно!) количество мест, где будут отмечены новые рисунки на скалах (рис. 1). Не приводя истории изучения наскальных изображений ГБАО, укажем только основные публикации и наиболее важные упоминания различных авторов⁶.

За редким исключением (Выбист-Дара, часть рисунков в Лянгар-Кишт и некоторые другие пункты) петроглифы расположены недалеко от воды на первой или второй надпойменной террасе у современных дорог или древних крепостей и могильников. Чаше встречаются отдельные изображения или небольшие группки рисунков, но в ряде случаев отмечаются большие скопления.

Наибольшее скопление петроглифов в ГБАО отмечено в Лянгар-Киште. Общее число рисунков здесь не подсчитано, но есть все основания полагать, что они исчисляются несколькими (если не многими) тысячами. Рисунки выбиты (очень редко процарапаны) на выходах гранита типа «бараньих лбов». Они объединяются в несколько крупных «полей», соединенных между собой цепочкой отдельных рисунков, и охватывают склон Шахдаринского хребта от подножья почти до водораздела. Благодаря тому, что этот памятник упоминается в известной работе А. А. Бобринского⁷, он получил мировую известность, хотя по настоящий день издана лишь небольшая часть лянгарских рисунков. Следует заметить, что кишлак Лянгар-Кишт находится в том месте, где реки Памир и Вахан, сливаясь, дают начало Пянджу у подножия знаменитого Лянгарского перевала, то есть там, где издавна проходили древние торговые и военные пути, соединявшие Среднюю Азию с Китаем и Индией⁸. Кроме того, район Лянгара издавна считался одним из наилучших угодий для охоты на Памире. Не удивительно, что именно здесь в течение нескольких тысячелетий выбивались наскальные изображения. И к очень древним рисункам, положившим начало лянгарской «картинной галереи», присоединялись все новые и новые петроглифы.

⁵ Отдельные пункты нанесены на карту по данным О. Е. Агаханянца, М. А. Бубновой, В. Н. Киселева, А. Ф. Лева, В. Л. Свирида. Использована также карта из упомянутой ниже статьи А. Н. Дальского.

⁶ О. Е. Агаханянец, Наскальные рисунки в Язгулеме, ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 71—78; А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, № 26, М.—Л., 1952, рис. 140 и археологическая карта; его же, Новые надписи из Средней Азии, «Эпиграфика Востока», вып. 11, 1949, стр. 58; А. А. Бобринской, Горцы верховьев Пянджа, М., 1908, стр. 111—112; Г. М. Бонгард-Левин и А. М. Пятигорский, Сообщение о поездке на Южный Памир летом 1958 г., «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», вып. LVII, 1961, стр. 134—136; А. В. Гурский, Наскальные рисунки в Горно-Бадахшанской автономной области, Доклады АН ТаджССР, вып. 3, 1952, стр. 33—37; А. Н. Дальский, Наскальные изображения Таджикистана, «Изв. Всесоюзного географического общества» (далее ИВГО), т. 81, вып. 2, 1949, стр. 185—197; В. А. Ранов, Наскальные изображения у кишлака Наматгут, ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 67—70; его же, Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир), ИООН АН ТаджССР, вып. 1(22), 1960, стр. 19—40; его же, Рисунки каменного века в гроте Шахты, «Сов. этнография», № 6, 1961, стр. 70—81; его же, Следы писаниц в навесе Куртеке, ИВГО, т. 96, вып. 1, 1964, стр. 67—69; В. И. Радцек, Этнографические и археологические наблюдения в высокогорных районах Тянь-Шаня и Памира, ИВГО, т. 79, вып. 4, 1947, стр. 467—468. Что же касается упоминаний о наскальных изображениях ГБАО в работах иностранных авторов (О. Olufsen, S. Przeworski, D. Lenz, A. Tallgren, и др.), то все они имеют лишь информационный характер.

⁷ А. А. Бобринской, Указ. раб., стр. 68.

⁸ А. Н. Зелинский, Древние пути Памира, «Страны и народы Востока, география, этнография, история», вып. III, М., 1964.

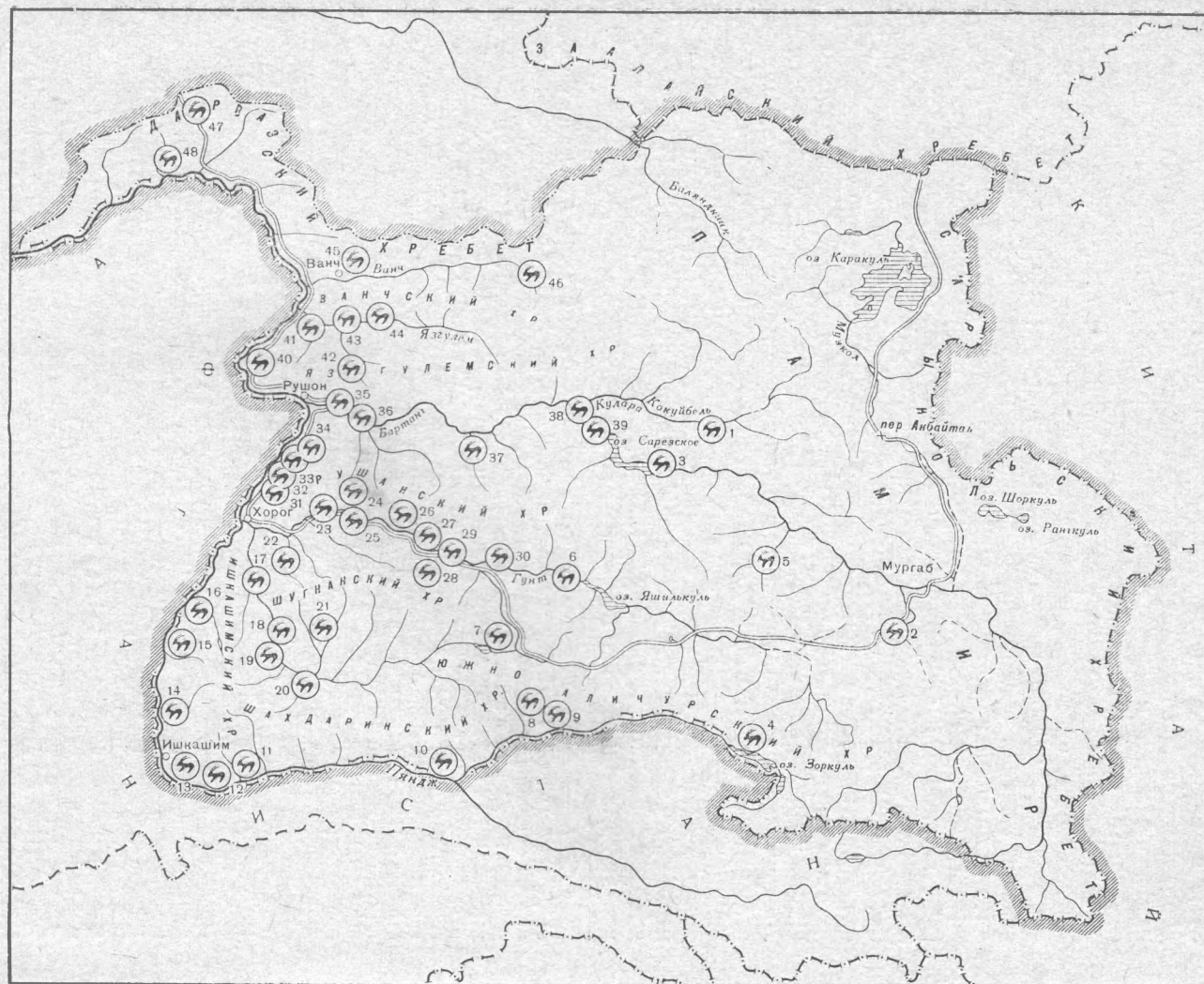

Рис. 1. Наскальные рисунки в Горно-Бадахшанской автономной области: 1 — Кокуй-бель, 2 — Шахты-Куртеке, 3 — Казан-куль, 4 — Зоркуль, 5 — Базар-Дара (Элги-Сай), 6 — Яшил-куль (Лянгар), 7 — Кой-Тезек, 8 — Харгуш, 9 — Тамды, 10 — Лянгар-Кишт, 11 — Даршай, 12 — Санг, 13 — Наматгут, 14 — Абхарв, 15 — Бачуш-Дара, 16 — Кухи-Ляль, 17 — Реджист, 18 — Рошткала, 19 — Сорч, 20 — Циниц-Дара, 21 — Чандым-Дара, 22 — Бачув-Дара, 23 — Дабаста, 24 — Выбист-Дара, 25 — Водж, 26 — Вир, 27 — Мионшар, 28 — Чартым, 29 — Ван-Кала, 30 — Базор, 31 — Баргид, 32 — Сохчарв, 33 — Баджу, 34 — Хуф, 35 — Еми, 36 — Бачу, 37 — Басид, 38 — Росорв-Нусур, 39 — Барджив, 40 — Вазнауд, 41 — Матраун, 42 — Камоч-Дара, 43 — Андербак, 44 — Джамак, 45 — Дарваз (?), 46 — Абдукагор, 47 — Рабат, 48 — Иогит

Следующий по количеству рисунков район — среднее течение р. Гунта на участке Мун-Дабаста — Дамиана — Чартым. Это не один, а несколько пунктов, объединяющих различные группы петроглифов. Наибольшее количество последних отмечено в районе Чартымского завала, в основном на правом берегу Гунта у устья реки Базар-Дара. По данным одного из авторов, рисунки, сделанные как на отдельных камнях различного размера, так и на вертикальных поверхностях скал, насчитываются здесь многими сотнями.

Недавно открытое крупное скопление рисунков расположено в ущелье Выбист-Дара, которое впадает в долину Гунта в 3—4 км выше селения Дабаста. Оно обследовалось в 1960 г. А. В. Гурским при участии А. А. Бунделя и Е. В. Киселевой. Интересно расположение этого памятника. Рисунки сделаны на отдельных валунах или обломках скал — камнепаде в 800 м над руслом р. Гунт, на абсолютной высоте 3500 м, непосредственно у кромки современных снежников. Таким образом, выбитые вдалеке от торных дорог в глухом ущелье рисунки Выбист-Дары связаны, скорее всего, с охотничьей стоянкой. Общая площадь, на которой встречаются изображения, занимает около 0,5 га. Рисунки не подсчитаны, но, как и в предыдущем случае, насчитываются сотнями.

Описанные выше памятники с большим количеством рисунков встречаются относительно редко. Более часты пункты, где количество петроглифов не превышает одной-двух сотен. К таким памятникам можно причислить Джамак, Даршай, Наматгут и некоторые другие.

И, наконец, в ряде пунктов — отдельные точки на Бартанге, Ванче, Зор-Куле, Кокуйбельсу, Базар-Даре и т. д. — количество изображений не превышает нескольких десятков или даже одного десятка. Таких пунктов больше всего.

Следовательно, по количеству петроглифов все обозначенные на нашей карте места находок можно объединить в три группы. В первую входят памятники с несколькими сотнями и даже тысячами рисунков, во вторую те, где рисунков не более одной-двух сотен, в третью — одного-двух десятков и даже единичных находок.

Подавляющее большинство рисунков выполнено чрезвычайно широко распространенным в Азии приемом — они выбиты на поверхности камня острым, преимущественно металлическим предметом. Это — неоднократно описанная «точечная» техника⁹. Значительно реже встречается гравировка, причем случаи глубокой гравировки единичны, большей частью это довольно неуклюжие изображения, процарапанные острием ножа. Писаницы найдены только в двух местах на Памире — в гротах Шахты и Куртеке. По непроверенным данным, рисунки краской имеются еще и в местности Ак-Тайлак у перевала Кой-Тезек.

Основным сюжетом наскальных изображений в ГБАО являются козлы (по-шугнански — нахчиры), которые, очевидно, изображают как горных козлов (*Capra sibirica* M.), так и горных баранов — архаров (*Ovis ammon* L.), причем в отдельных случаях эти виды различаются на рисунках¹⁰. Наиболее часто встречаются одиночные козлы, но нередки и композиции: стада козлов, иногда с хорошо заметным вожаком, или охота.

⁹ С. В. Киселев, Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц, «Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук», вып. V, 1930; М. Э. Воронцов, Наскальные изображения Южной Киргизии, «Труды Киргизского пед. ин-та», сер. истор., вып. 2, 1950.

¹⁰ О значении этих животных в жизни населения Памира см. Б. А. Литвинский, Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов), сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 147—150.

Без преувеличения можно сказать, что в распоряжении исследователя имеются тысячи изображений козлов, среди которых по стилю и манере изображения можно выделить несколько групп (рис. 2, 3). В некоторых случаях удастся подметить стилистические особенности и манеру выполнения, как характерные для определенной эпохи, и тогда эти

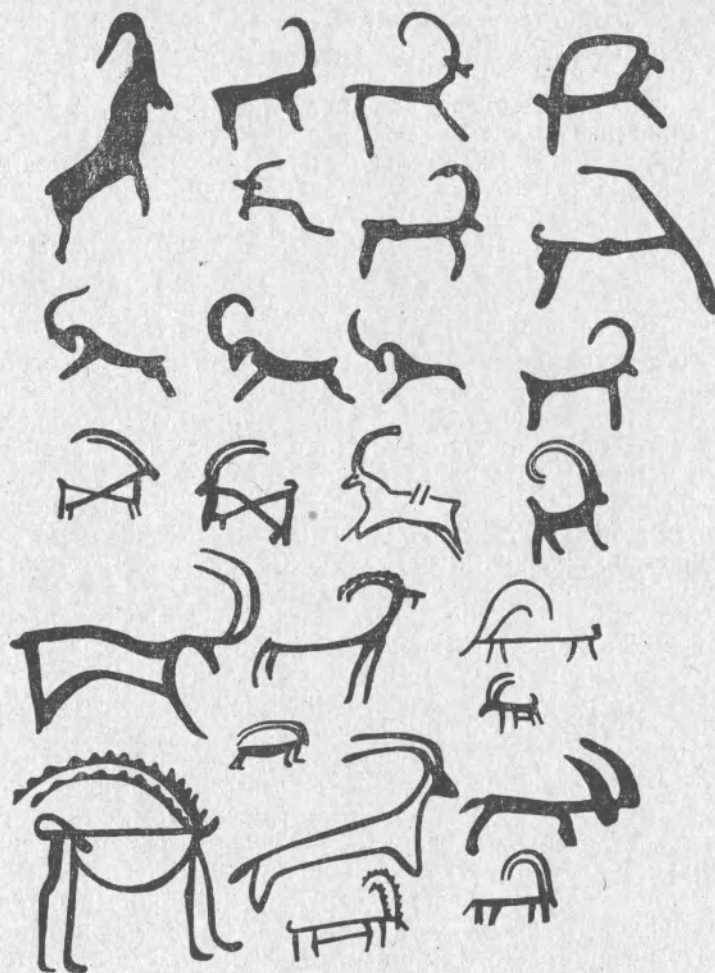

Рис. 2. Основные стилистические типы рисунков козлов в ГБАО, масштаб не указан

рисунки имеют значение для датировки¹¹. Есть все основания полагать, что детальный анализ позволит в дальнейшем выделить типы изображений, присущие только данной территории, или, вообще, ограниченной области, и тогда можно будет говорить об этнографическом характере подобных рисунков. С козлами, в основном, связаны и сюжеты охоты, среди которых можно выделить охоту загонем, групповую и одиночную. Следует отметить, что большая часть охотников на рисунках вооружена луком и значительно реже встречается ружье с сошками¹². Очень любо-

¹¹ А. Н. Бернштам, Наскальные изображения Саймалы-Таш, «Сов. этнография», 1952, № 2.

¹² О типах луков, изображенных на рисунках Лянгара, см. В. А. Ранов, Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир), стр. 27—31.

пытна сцена охоты на крупных животных (по всей очевидности — диких яков), которая осуществляется как пешими, так и конными охотниками. Один из охотников стреляет с лошади «на скифский манер» — обратившись назад (рис. 4).

Хорошо известны для наскальных рисунков ГБАО и изображения всадников, иногда всадников с саблями. Наиболее значительные группы всадников зафиксированы в Лянгаре, но и в других местах подобные сюжеты встречаются очень часто (рис. 5).

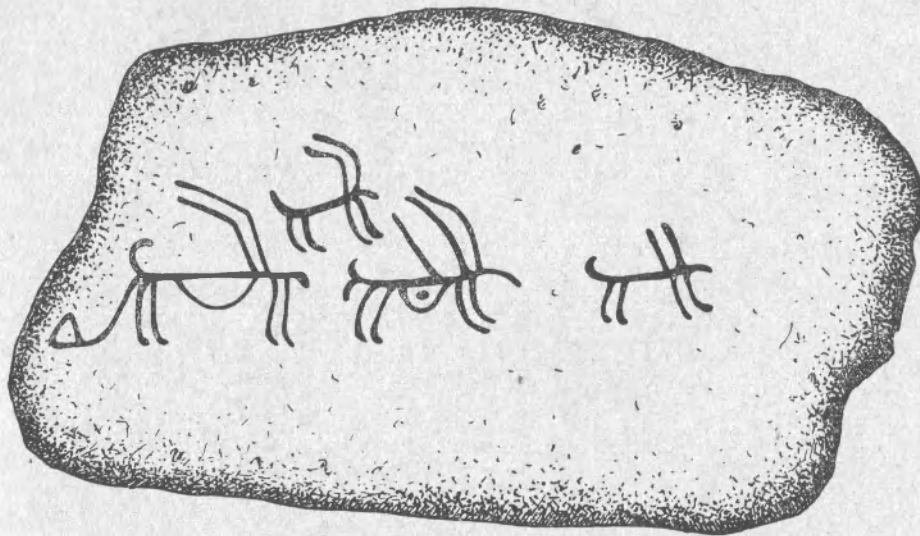

Рис. 3. Изображения козлов, выбитые на отдельном камне, район Кухи-Ляль (рисунок В. Н. Киселева)

Среди изображений людей более всего распространены рисунки охотников с луком (рис. 5). Очень интересны стилизованные фигурки бегущих людей (всегда двух), взявших за руки. Подобные рисунки встречены в Лянгаре, Выбист-Даре и некоторых других местах (рис. 5). Они в какой-то мере близки к изображениям вереницы людей, взявших за руки, известным, например на Шишкинских скалах, в Минусинских писаницах, в урочище Тамгалы и т. д.¹³ Однако бегущие памирские человечки определенно своеобразны. Эти полные динамизма и экспрессии рисунки невольно вызывают в памяти более совершенные, близкие к натуре и выполненные с несравненно большим мастерством образцы наскального искусства Средиземноморья.

В целом, люди встречаются большей частью в связи с охотничьими сценами. Исключение представляют разбросанные среди других рисунков крайне стилизованные изображения людей — «ключевидные человечки» (рис. 5). Эти фигурки близки по характеру изображения и стилизации к известным «фертообразным» человеческим фигуркам, которые в различных вариантах распространены, как отмечал В. А. Городцов, на огромной территории от Испании до Енисея¹⁴.

Небольшую группу составляют изображения различных животных. Среди последних можно определить быков или яков, оленей, снежных

¹³ Вероятно, ритуальный танец. См. А. П. Окладников, Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножия горы Богдо-Уула, «Монгольский археологический сборник», М., 1962, стр. 69.

¹⁴ В. А. Городцов, Скальные рисунки Тургайской области, «Труды Гос. исторического музея», вып. 1, 1926, стр. 48.

барсов, собак, а из домашних — корову и молодых барашков. Трудными в смысле расшифровки являются фантастические животные, обладающие сборными признаками различных зверей¹⁵. Уникальный рисунок найден в долине р. Шах-Дары выше кишлака Сорч, где на отдельном камне не сплошным, а точечным контуром выбито изображение рыбы.

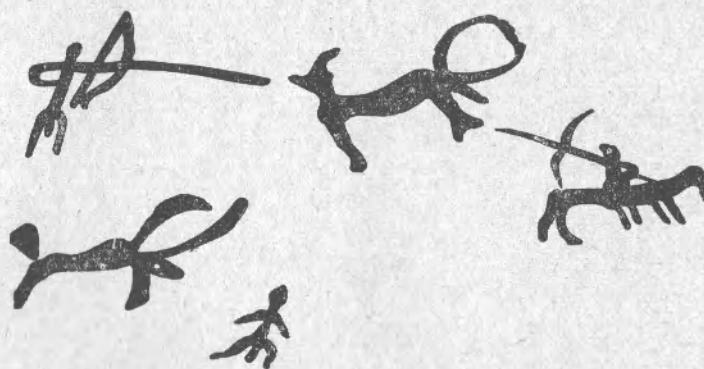

Рис. 4. Выбист-Дара. Охота на яков (?) Копия А. В. Гурского

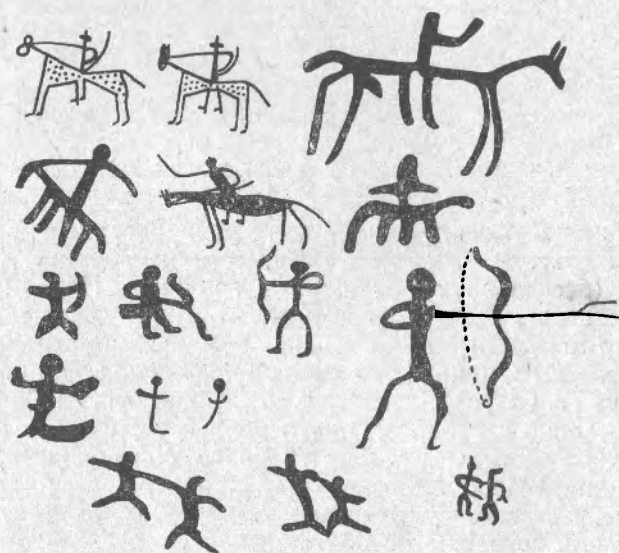

Рис. 5. Наскальные рисунки ГБАО, всадники, люди, стрелки из лука

Почти все группы петроглифов на рассматриваемой территории сопровождаются различными знаками, из которых наиболее распространенным является изображение пятерни — раскрытой руки, известного символического знака памирских исмаилитов. Этот знак — почти обязательный атрибут каждой группы наскальных изображений Бадахшана.

Среди других знаков можно встретить круг с точкой посередине, который интерпретируется некоторыми исследователями как изображение

¹⁵ В. А. Ранов, Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир), стр. 32—33.

солнца¹⁶. Часть знаков еще не расшифрована. Некоторые из них могут быть родовыми знаками — тамгами, другие, возможно, имеют символическое значение и их расшифровка должна быть связана с мифологией или религиозными представлениями местного населения.

Совершенно особняком стоят два памятника Памира: грот Шахты и навес Куртеке, где найдены писаницы, т. е. рисунки, сделанные минеральной краской — охрой. Они отличаются манерой выполнения рисунка, стилем и сюжетами изображений. В гроте Шахты красками двух тонов выполнены замаскированный под птицу человек, кабан и медведь. Животные поражены стрелами. В отличие от преимущественно мелких (в среднем 10—20 см длины) рисунков, выбитых на скалах, здесь фигуры зверей крупные (до 85 см). В Куртеке сохранились лишь остатки писаниц, среди которых выделяются две сильно стилизованные фигурки людей с поднятыми руками. Остальные рисунки Восточного Памира, представленные малочисленными скоплениями, не отличаются от петроглифов Бадахшана.

Что касается возраста наскальных рисунков, зафиксированных в ГБАО, то несмотря на все трудности, связанные с датировкой наскальных рисунков вообще (на основании семантики изображений, стиля, характера патинизации поверхности рисунка и т. д.), можно выделить несколько возрастных групп.

1. Древнейшие рисунки, которые относятся к заключительным этапам каменного века и эпохе бронзы. К ним принадлежат писаницы Памира.

Представление о том, что большая часть наскальных рисунков Средней Азии относится к эпохе первобытнообщинного строя (неолит, бронза), вряд ли справедливо¹⁷. Еще большие сомнения вызывает датировка палеолитической эпохой отдельных рисунков, выбитых на скалах¹⁸. Это не значит, что среди наскальных рисунков Средней Азии, и ГБАО в том числе, не могут встретиться столь древние изображения. О вероятности существования таких рисунков говорит хотя бы широкое распространение в юго-западных районах Средней Азии зооморфной орнаментики в украшении первобытной керамики, отражающее былое существование культа различных животных у народов Средней Азии и Ближнего Востока¹⁹. Но выделять древнейший пласт среди рисунков, выбитых на скалах, пока очень трудно. Это можно будет сделать лишь тогда, когда найдутся достаточно убедительные критерии для доказательства глубокой древности того или иного рисунка. А этих критериев при наличии чрезвычайно устойчивых многовековых традиций в передаче по существу одного и того же сюжета в Средней Азии пока нет. Поэтому, признавая, что какая-то часть изображений в Бадахшане может относиться к эпохе неолита и бронзы, мы пока затрудняемся выделить их из общей массы явно более поздних петроглифов.

2. Рисунки «скифо-сарматского» типа, датируемые первым тысячелетием до н. э. и характеризующиеся стилем, близким к знаменитому «звериному стилю».

¹⁶ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, т. 1, М.—Л., 1936, стр. 27—28.

¹⁷ Например, А. Н. Дальский, Наскальные изображения в бассейне реки Зеравшан, МИА, № 15, М.—Л., 1950, стр. 240; Б. М. Зимма, Из истории изучения наскальных изображений Киргизии, «Труды Ин-та истории КиргССР», вып. IV, 1958, стр. 120; А. Г. Медоев, Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз, «Вестник АН КазССР», 1962, № 3(204), стр. 87.

¹⁸ А. Г. Медоев, Наскальные изображения гор Тесик-Тас и Караунтур, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 12, 1961, стр. 75—76. Этим же временем датирует Г. В. Парфенов крупный рисунок оленя из Ходжакента.

¹⁹ В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964, стр. 351 и сл.

3. Петроглифы первой половины первого тысячелетия н. э., которые на основании изучения реалий или наличия тамгообразных изображений козлов «чуруктуг-кырланского» типа могут быть отнесены к кушанскому и тюркскому времени, т. е. вплоть до VIII века н. э.

4. Поздняя группа рисунков, которую, как и наиболее древнюю, выделить трудно. К ней, вероятно, относится основная масса наскальных изображений ГБАО. Условно начальной датой этой группы можно считать появление мусульманской религии на Памире.

5. Позднейший пласт, относящийся уже к современности. Это наиболее свежие по степени патинизации рисунки, которые сопровождаются часто надписями или сюжетами, близкими нашим дням.

Предложенная периодизация составлена на основании исследования Лянгарского комплекса и отражает распространенный в специальной литературе взгляд об историческом времени большей части среднеазиатских рисунков на скалах²⁰.

Конечно, это лишь первый опыт периодизации, и потребуются еще значительная работа, прежде чем он будет положен в основу детальной периодизации наскальных рисунков ГБАО.

Следует отметить, что на Памире, как и в других районах Средней Азии, все более или менее значительные скопления наскальных изображений состоят из нескольких разновременных групп. Более того, определенно можно сказать, что одновременные рисунки являются исключением и встречаются чрезвычайно редко. Это происходит, очевидно, по двум причинам. Во-первых, древние, частично, может быть, и доисторические святилища и заповедные места традиционно использовались и позднее и, имея другое назначение, существовали на протяжении больших промежутков времени. Во-вторых, уже имеющиеся на скале рисунки вызвали у людей, обладавших художественными склонностями, желание выбить рядом (для сравнения) свой рисунок или композицию. Так образовывалось огромное скопление разновременных рисунков.

Анализ изображений в Лянгар-Киште показал, что здесь можно выделить три различные возрастные группы, охватывающие время от первого тысячелетия до н. э. вплоть до наших дней. Последующие работы, проведенные на всей территории ГБАО, как показывает настоящая статья, позволяют добавить к ним еще две группы. Нет сомнений, что дальнейшие углубленные исследования позволят расчленить этот и другие разновременные памятники еще более подробно. Во всяком случае, такие скопления рисунков ГБАО как Выбист-Дара, Чартым, Даршай и другие являются разновременными и еще ждут своего исследователя.

Закономерности географического распространения наскальных рисунков в Средней Азии до сих пор еще не установлены. Известно, что петроглифы встречаются далеко не повсеместно, а образуют определенные «пятна» — скопления рисунков, иногда охватывающие значительную площадь. Одним из таких «пятен» является и Горно-Бадахшанская автономная область. Наряду с этим встречаются районы, где петроглифов нет совсем или они крайне редки. В ГБАО по отношению ко всей Средней Азии отмечается довольно компактное скопление рисунков (особенно в Бадахшане), хотя, как показывает приведенная карта, и здесь намечается определенное тяготение петроглифов к отдельным районам и разреженность в других. Интересно, что западнее по Пянджу рисунков встречается значительно меньше²¹. Очевидно, более богатым может

²⁰ В. А. Ранов, Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир), стр. 25 и сл.

²¹ Известна небольшая группа рисунков на валунах в районе перевала Хабурабад (Калай-Хумбский перевал), у кишлака Йогит и отдельные точки ниже по Пянджу

оказаться Каратегин, откуда уже известны наскальные рисунки (верховья Сурхоба)²², так как это промежуточная область между ГБАО и очень богатой наскальными изображениями Ферганой. Помимо Ферганы, ближайшей областью аналогий для интерпретации петроглифов ГБАО является северная Киргизия, чрезвычайно обильная памятниками этого рода, а через нее открывается путь к бесчисленным наскальным изображениям, разбросанным в степях Казахстана, Тувы, Монголии²³.

В то же время ГБАО является более насыщенной наскальными рисунками областью по отношению к Синьцзяню²⁴, Восточному Ирану и Афганистану²⁵ и, может быть, Северной Индии²⁶. Это позволяет предполагать, что население соседних с Таджикистаном стран зарубежного Востока испытывало при формировании своего художественного вкуса и отчасти идеологии серьезное влияние памирских наскальных рисунков. Вместе с тем, хочется подчеркнуть большое своеобразие некоторых наскальных изображений ГБАО. Дальнейшие исследования, надо думать, более четко и углубленно выделяют характерные, присущие именно этому району Азии, специфические черты интересной и увлекательной области народного творчества — наскальных рисунков, что поможет в решении сложных проблем этногенеза народов, населяющих Памир в настоящее время. Ближайшей задачей подобных исследований является изучение и монографическое описание наскальных рисунков у кишлака Лянгар-Кишт, которое потребует привлечения не только археологического материала, как это было до сих пор, но и в значительно более широких масштабах — этнографического. В последнее время в изучении наскальных изображений недостаточно используется их семантика, так как основное внимание уделено датировке по конкретным реалиям и стилистическим особенностям рисунка. Это понятно, поскольку последний путь и легче и конкретнее, а излишнее увлечение семантикой часто приводит к очень неудачным построениям и фантазиям²⁷. Очевидно, наиболее правильным подходом будет разумное сочетание всех этих методических приемов. Перспективен и опыт статистической обработки рисунков, которым занимается теперь ленинградский исследователь Н. Л. Подольский.

Выделенные на огромном материале Лянгар-Кишта возрастные группы рисунков послужат той основой, на которой можно будет построить обоснованную и детализированную периодизацию наскальных рисунков ГБАО. Конечно, многие проблемы, связанные с изучением наскальных рисунков описанного района, выходят за рамки отдельной территории и их решение прямо связано с решением этих проблем в целом.

²² Н. Нурджанов, Отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции 1954 г., ИООН АН ТаджССР, вып. 10—11, 1956, стр. 55; А. М. Мандельштам, Наскальные изображения «Тешик-Таш» в Каратегине, ИООН АН ТаджССР, вып. 1 (24), 1961, стр. 85—87.

²³ Менее развиты наскальные изображения на запад от Таджикистана. Для зарубежных территорий наиболее подробной сводкой остается работа С. Пржеворского (S. Przeworski, Prähistorische Felsenzeichnungen aus Vorderasien, «Archiv orientální», vol. VII, № 1—2, 1935, стр. 9—15).

²⁴ F. Bergman, Archaeological research in Sinkiang, especially the Lop-Nor region, The Sino-Swedish expedition, Publ. 7, Stockholm, 1939, стр. 183—185; Кэи му, Наскальная живопись северной части Синьцзянской провинции, Вэньбу, 1962, № 7—8, стр. 112—113 (на китайск. яз. Перевод статьи любезно сделан для нас Л. Г. Рогановым) и др.

²⁵ G. Dessau, Rock engravings (graffiti) from Iranian Baluchistan, «East and West», Roma, n. s., vol. 11, 1960, № 4, стр. 258—265.

²⁶ D. H. Gordon, The Pre-historic background of Indian Culture, Bombay, 1958, стр. 111—112.

²⁷ Примером может служить статья Н. Д. Черкасова «Бумеранг» о наскальных рисунках древнего Киргизстана («Изв. АН КиргССР», сер. общ. наук, т. II, вып. 3, 1960, стр. 125—137).